

ПОД ЗНАКОМ
ТИГРА

Олег ВОРОНОЙ

Олег Николаевич Вороной
Под знаком тигра
Серия «Жизнь замечательных зверей»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6223599
Под знаком тигра: АСТ; М.: 2013
ISBN 978-5-17-079805-6

Аннотация

Кто всегда был и остается настоящим повелителем тайги?

Конечно же, тигр! Жар-зверь!

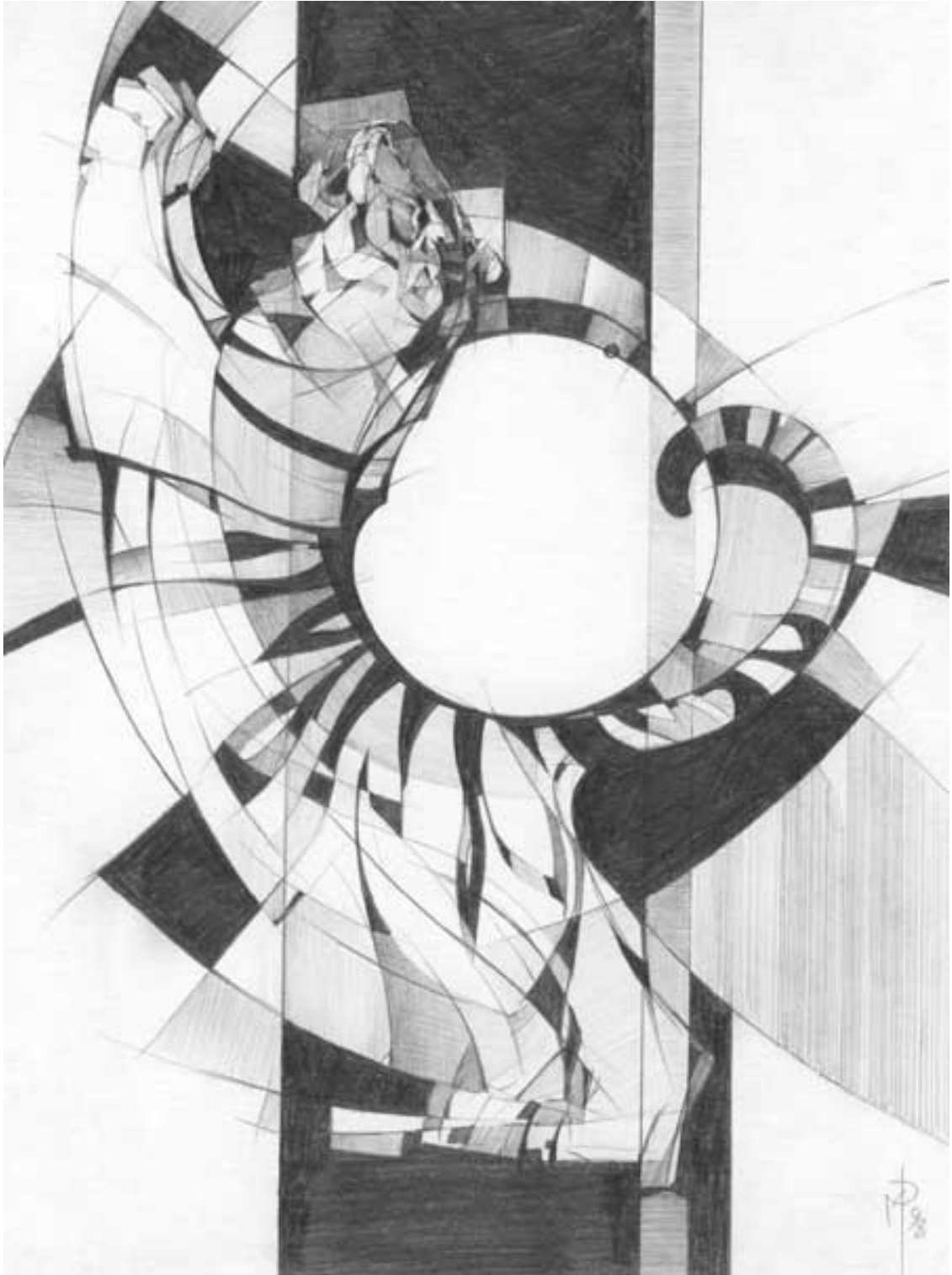
Есть ли ещё в мире кто-нибудь с таким ярким жёлтым светом? Нет никого. Есть ли кто ещё среди живых существ, про кого создано столько сказок, кому поклоняются, кого так боятся, которым так восхищаются? Нет таких.

Может, потому, что иногда кому-нибудь из людей посчастливится увидеть золотой тигриный свет? Может, потому, что нет более огненного зверя, чем тигр? Может, потому, что тигр – это и есть ЖАР-ЗВЕРЬ?..

Содержание

Жар-зверь	7
Кормилец	9
Обидчик	13
Голливуд	16
Пагуба	20
Убей меня червонцем!	23
Рука	27
Без чёрной дюжины полосок	29
Богатырь	30
Чувства сорвавшейся рыбы	33
Плен	37
Глаза	43
Ворюга	45
Молитва	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Олег Вороной Под знаком тигра

Когда-то русские люди шли на восток в поисках легендарной земли Беловодье, в поисках сказочной жар-птицы, в поисках своего счастья. Среди них был и мой прадед. Нашли они у берегов Тихого океана страну Беловодье, нашли они своё трудное счастье, а вместо Жар-птицы нашли Жар-зверя – тигра.

Все мои предки были известными охотниками, не раз встречались с Жар-зверем, а отца моего тигр покалечил. Поклялся я, что, когда стану взрослым, обязательно убью тигра.

Но... в 1994 году стал первым координатором международного проекта WWF по спасению этого зверя.

Много мудрых и интересных историй, связанных с соседством тигра и человека, хранит приморская тайга – лучшие из них собраны для вас в этой повести.

Жар-зверь

Тихий теплый вечер спелой осени...

Ещё вчера Приморская тайга стонала и содрогалась от неистовой силы глубокого циклона, что ворвался в ещё не обнажившиеся заросли, окатил ледяным ливнем и, не давая опомниться, придавил мокрым снегом. Да не рассчитал силушку. Встрепенулась тайга, поднялась и давай стряхивать с себя белую, холодную и липкую тяжесть.

Не ко времени снег, не ко времени...

Ещё не отпыхали красные кленовые костры; не отшептали золотые сказки вековые дубы; не покинули тёплое небо бабочки и мошки; не остекленели взгляды лужиц и озёр; не отблагоухала густым ароматом прятная земля.

И полетели наземь обрывки белых одеял. Заликовал пернатый народ, засуетился: «Это не зима! Это не зима! Это не зима!» И всяк по-своему стал расправляться с непрошеным снегом. Размотали свои тончайшие лески пауки, вылавливая всё нерастратенное тепло; поползла по белому снегу мошкара, на глазах темнея и загорая до черноты; деревья, поспешно сбросив ненужную белизну, сыпанули следом остатки листвы, хороня чуждый холод. Скала, влажно поблёскивая, мокреет, темнеет, льнёт к боку сопки, словно пригреваясь и подрёмывая.

Неожиданно яркий день словно занялся с новой силой. На скале полыхнул золотым самородком тигр и, словно осознавая свою значимость, застыл на самой вершине.

Жар-зверь!

Мир, подсвеченный золотым тигриным светом, понемногу затих. Солнце, до этого медленное и гордое, заторопилось, растерянно замигало, заозиралось, высматривая среди сопки удобную, скрытую от всех ложбину, и покатилося на ночёвку. Что оно теперь? Ну, осветило, ну, погрело.

А настоящий повелитель тайги вот он – на скале.

Есть ли ещё в мире кто-нибудь с таким ярким жёлтым светом? Нет никого. Ни на небе, ни на земле. Есть ли кто ещё среди живых существ, про кого сочиняют столько сказок, которому поклоняются, которого так боятся, которым так восхищаются? Нет таких. Подавляющее большинство людей чтят, прежде всего, тигра и многие хотят обладать тигриными качествами.

Может, потому, что иногда кому-нибудь везёт увидеть золотой тигриный свет? Может, потому, что нет более огненного зверя, чем тигр?

Может, потому, что тигр – это и есть ЖАР-ЗВЕРЬ?..

Кормилец

Никогда не думал, что стану защищать тигров, а уж тем более их спасать. Я вообще всю жизнь их люто ненавидел. Ещё с детства, когда увидел соседскую корову с разодранными боками, истекающую кровью... Она сама дошла до дома, а потом околела. И все соседские бабы голосили по ней, как по покойнице. А мужики скрипели зубами и, глухо матюкаясь, клялись «порешить тигру». А мы, пацаны, больше всего на свете любившие читать про тигроловов, охотно верили, что «все беды охотников от тигры», что спокойного «выпаса скота нет из-за тигры», что «тигра шугает зверьё в тайге», что «лучшего друга человека – собаку, изводит тигра». Ну и клялись друг перед другом, что, когда вырастем, «всех тигров перестреляем». Кто обещал десять тигров застрелить, кто двадцать, а кто и пятьдесят. Надо сказать, что больше пятидесяти было просто фантастическое число – никакая бригада охотников за сезон не добывала больше пятидесяти кабанов или изюбрей. А куча из двадцати – тридцати изюбрей (их иногда замороженных целиком привозили в госпромхоз для сдачи государству) была просто величайшей горой мяса!

Вырос, отслужил в армии, вернулся в родную тайгу, стал штатным охотником-промысловиком. Так и жил бесхитростно: ловил соболей, стрелял белок, добывал кабанов, изюбрей, косуль. При случае и в тигра стрелял, чтоб не было «конкурентов». Как и многие другие охотники.

Женился, детишки пошли. План выполнял, премии, грамоты давали. Всё как у людей.

Так и шла моя охотничья жизнь до 19.. года. А был тот год тяжёлый для охоты: много снега, мало кедрового ореха и желудей. Всем в тайге было трудно, не только охотникам. А тут ещё тигры из Хабаровского края перешли в Приморье за кабанам: по охотничьим тропам стали ходить, капканы спускать да приманку съесть или что в капканы попадалось, а то и собак охотничьих вылавливать. У меня собачку съели – такая была умная, прямо мысли мои читала. Только подумая: «Чара, ты где?» – бежит навстречу. Только подумая: «Свежий беличий след», – уже белку облаивает.

Да, так вот собаку тогда мою тигры съели, двух соболей съели, по тропе туда-сюда шастанут... И какое тут будет настроение? Правильно – никакого. Злой я был на них. Никогда в жизни такой злой не был. Вот, думаю, повстречается – рассчитаюсь за всё.

Ну и повстречались.

Ну и рассчитался.

Подстрелил кабана. Набил котомку мясом – килограммов тридцать – и иду по тропе к зимовью. Иду и матерюсь на себя: мешок полиэтиленовый забыл. И прямо чувствую, как котомка намокает, как пропитывается кровью одежда и спина становится мокрой. И ведь оставить мясо, чтоб замёрзло, нельзя, – за этим табуном чушек два тигрёнка шли. Сразу мясо найдут и сожрут.

Вот иду и, натурально, в полный голос матерюсь. Этому искусству в армии хорошо нас старшина выучил – матерщинник был талантливейший. Так умел «завернуть заковыристо», что слушались его беспрекословно, в основном от удивления.

Иду, матерюсь – так, вроде, быстрее и легче идти. А тропа проложена по руслу ручья: русло узкое и глубокое, берега, заросшие, выше головы. И вдруг падаю ничком, сбитый ударом сверху. Падая, краем глаза вижу тигриный полосатый бок. Упал в снег лицом, грудью на карабин – карабин висел на груди, котомка придавила плечи и шею.

Всё, конец, – думаю.

Над головой тигриный рокот, в спину всаживаются и выдергиваются лезвия когтей, рёбра хрустят, одежда трещит...

Хорошо, лицом в снег упал – быстро в себя пришёл, соображать начал. Почувствовал, что едят не меня, а котомку, то есть – кабанье мясо из котомки. Что тигр не тяжёлый, и что их – два.

Потом сообразил, что это два тигрёнка. Начал быстро копать рукой в снегу, пытаюсь добраться до предохранителя. Добрался, карабин выстрелил. Прямо возле левого уха. Когда в голове звон от выстрела прошёл, осознал, что по мне уже давно никто не топчется, не скачет.

Приподнял голову – никого. Встал на четвереньки – никого. Поднялся в полный рост – никого.

И так мне после этого ужаса радостно стало! Ну в жизни никогда так не радовался!

Вид у меня был, конечно, страшный: весь в крови, одежда на спине изодрана в клочья. Но сам счастли-и-вы-ый!

Бреду по тропе потихонечку, что-то детское напеваю, вроде того: «Только просыпаюсь – улыбаюсь я. // Мама дорогая, милая моя. // Я смотрю на солнце – улыбаюсь я. // Мама дорогая, милая моя», – ну в детском саду такое с детьми учат.

И действительно, смотрю на мир, словно впервые его вижу.

Смотрю на солнце – тусклое и дрожащее, словно выброшенная на берег медуза, – смотрю я на это зимнее солнце, и оно, словно спущенный мяч, начинает втягивать в себя воздух, становится упругим, звонким, ярким до боли. Вот-вот лопнет, и разлетится по миру жёлтый тёплый свет новой весны!

Смотрю на кедры и ели, которые словно все из замёрзшей зелёной воды, и чудится, что не изо льда они, а из зелёного весёлого огня, который вот-вот взметнёт свои языки до синего небесного льда, и небо растает и потечёт над Землёй, играя солнечными бликами и радостно отражая благодать земную!

Смотрю на бесцветный холодный и скрипучий снег и вижу, что вовсе он не бесцветный, что переливается и играет он красными, оранжевыми, жёлтыми, зелёными, голубыми, синими, фиолетовыми искрами, и эти искры вовсе не искры, а разноцветные ноты, которые чисто и торжественно выводят и выписывают, как на картине, симфонию Жизни...

...Потом стал я подкармливать этих тигрят. Видать, мамку их кто-то убил, а они ещё малые, сами охотиться толком не научились. За кабанями, видно, ходили-ходили, да всё без толку и до того оголодали, что, не боясь человека, прыгнули на пахнущую парной кабанятиной котомку и глотали мясо, пока не выстрелил карабин.

Сначала я забирал мясо, а кости, голову, ноги, требуху тащил за собой пару километров, прокладывая пахучий след, который тигрята находили и по нему добирались до пищи. А потом они уже по звуку выстрела приходили и ждали, пока я уйду, чтобы получить свою долю.

Так до весны они и выжили.

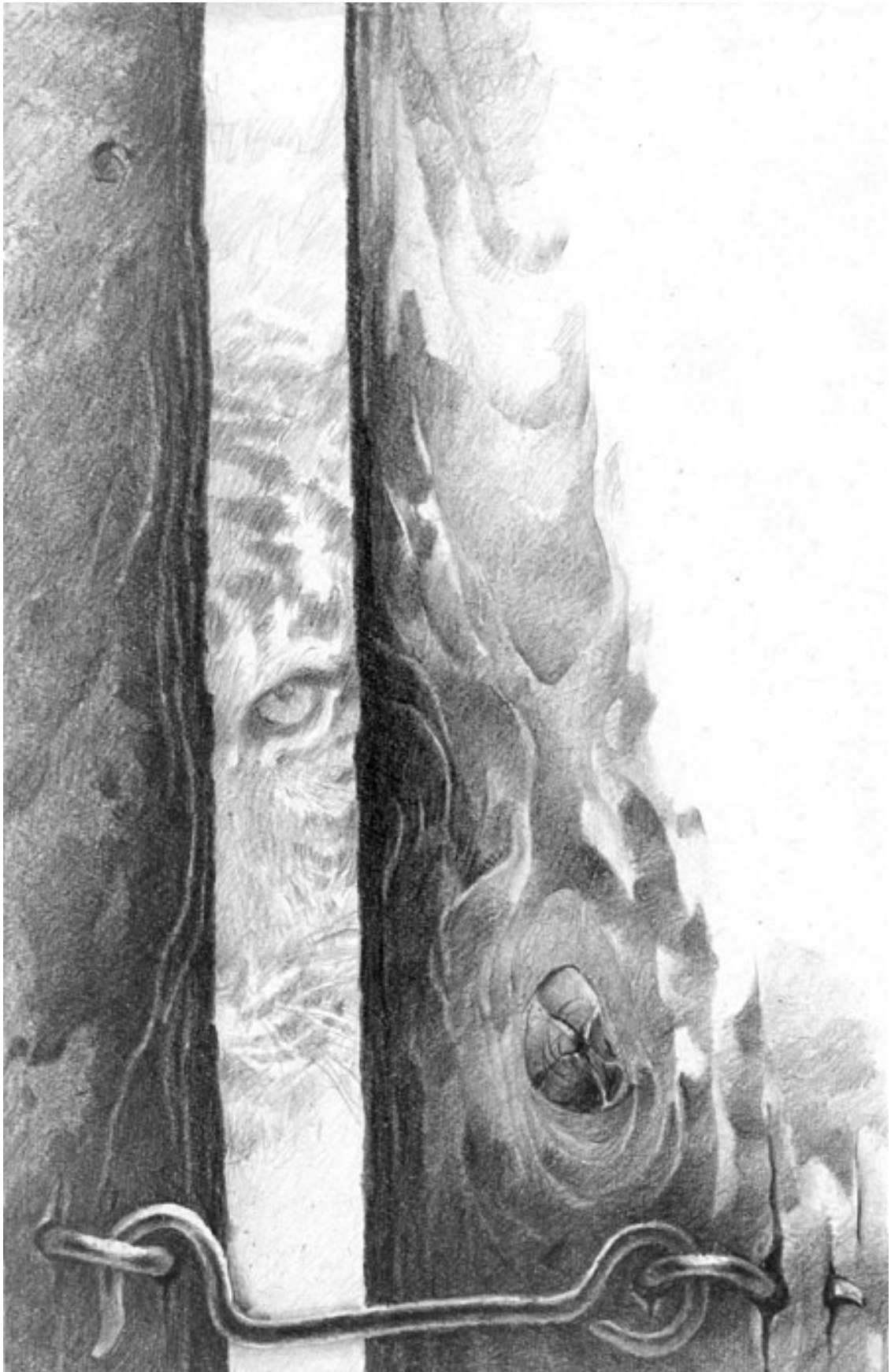

Обидчик

Обидеть тигра невозможно! Не такой это зверь. Всегда за себя постоит, гордый он и цену себе знает.

Это я про нашего тигра, про уссурийского, про дикого. В цирке – это не тигр. Конечно, внешность у него тигриная, но душа – увы! – собачья! Всё настоящее, тигриное с малолетства выбито. А как иначе? Попробуй, обучи кошку трюки выделывать – без боли ничего у тебя не выйдет. Ну, может, только самое простецкое, и то если будешь бесконечно ласков и терпелив. Не более! Почему клоун Куклачев стал знаменит на весь мир? Потому что смог выдрессировать кошек, которые еще недавно считались «не поддающимися дрессировке животными». А как он смог? Думаю, только с помощью болевых эффектов. Почему и скандалы в некоторых развитых странах были. Вот так вот.

Это домашние кошки, утратившие за сотни лет часть своего природного естества. Но тигр-то не кошка! Потому их дрессировка считается «высшим пилотажем»: любая ошибка может закончиться трагедией. Несмотря на то что стараются брать тигрят от давно прирученных тигров. А если взять тигрёнка, который уже по лесу побегал, волю таёжную попробовал, то воспитать циркового артиста – шансов практически никаких нет. Такой вот зверь.

К чему я это все рассказываю? Да к тому, что дикого тигра обидеть никому не удалось. Кроме меня. Не верите? Ну, слушайте.

Конечно же, все получилось чисто случайно. Рассказываю то, что было.

Это произошло после Нового года, первого января, в полдень. Накануне выпал свежий снег – сантиметров пятнадцать. Ну вот, после всех застолий, отоспавшись, стал помогать в доме прибираться. Взял помойное ведро и понёс его во двор. Дом у меня в селе крайний. За сараем начинается лес. Во дворе постоял – такое наслаждение после праздника подышать воздухом, снегом полюбоваться да тишину послушать. Стоял, дышал и что-то вдруг затормозился – как подтолкнул кто-то к сараю, за которым выгребная яма, – помои вылить. Только к сараю, а из-за него – Тайга – собачка моя – чуть с ног не сбила. «Ах ты, – говорю, – нехорошая – опять ошейник через голову стянула и убежала, вместо того чтобы дом сторожить».

Шагнул за угол, а мне под ноги – прыг – тигр!

За Тайгой бежал.

Затормозил он всеми четырьмя, пропахал по снегу. Тут я ему прямо в морду помои и выплеснул.

Почему? – Сам не знаю. Может, с испугу.

Как я этим тигра обидел! Застонал он так жалостно, хвост поджал и побрёл в сторону, фыркая.

Понуро так, словно пёс побитый.

Оглянется, фыркнет обиженно, шагнёт, оглянется, фыркнет обиженно, шагнёт. И так мне от этого неудобно стало! Даже слёзы на глаза навернулись. Так и смотрел сквозь слёзы, как тигр уходит, обиженный.

До сих пор его жалко!

Голливуд

Мне позвонили из Голливуда.

– Мистер, можно ли с вашей помощью снять фильм, как ловят сибирского тигра?

– М-м-можно...

* * *

Морозный воздух. Клубы пара над горной рекой. Тёмная вода бьется в ледяном ложе. Сквозь стон реки доносится мерный скрип снега. Шаги. Мерно покачиваются заросшие непроходимые берега, гигантские тополя, кедры. В такт шагам покачиваются заснеженные скалы, крутые островерхие сопки, низкое солнце. Звуки шагов заглушает прерывистое дыхание, его перебивает другое – надсадное, рвущееся. Разлетелись комья снега. Заснеженная морда собаки нетерпеливо ныряет в каждую лунку гигантских кошачьих следов, тянет за собой туго натянутый поводок над выгнутой от напряжения спиной, над азартно машущим кольцом пушистого хвоста. Поводок тянет едва поспевающего человека. Иней облепил усы, бороду, шапку-ушанку, плечи, ствол карабина. Капли пота скатываются по щекам. Заледенелые ичиги тяжело ступают по глубокому снегу. Шаги заглушает нетерпеливое повизгивание другой собаки, другой бородач с распахнутой курткой, хрипя и покашливая, спешит по следу. За ними третья пара «собака – человек», четвертая...

– Пуска-а-а-й!

– А-а-й! А-й! – раскатисто заехали смурные сопки.

Тигроловы поклонились, отцепляя поводки, и тайга застонала набатом собачьего гона.

– Быстре-е-е-й! Держа-а-а-ат!

Всё сильнее раскачивается заснеженная тайга, всё быстрее мелькают следы, всё громче и громче лай собак.

А-а-а-ах! Гроыхнула тигриным рыком непролазная стена северных джунглей. Меж стволов замелькали силуэты собак. Высветился золотым самородком бок тигра, отбивающегося передними лапами от наседающих преследователей.

– Руби рогули! Вязки готовь!

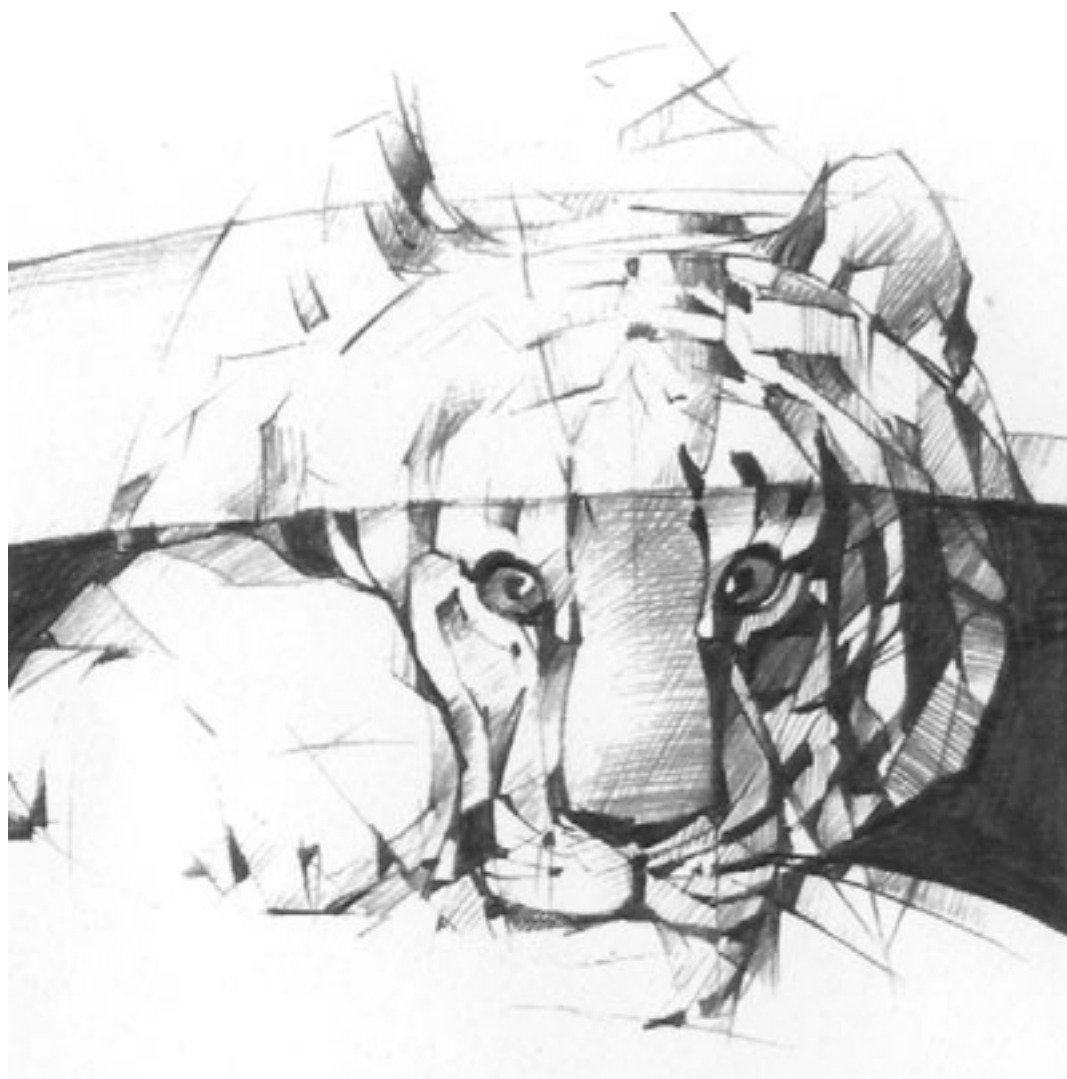
Зазвенели топоры, ударяя в промерзшую древесину. С рогатинами наперевес тигроловы с разных сторон подступают к тигру. Полосатая голова крутится во все стороны, клыки мокро сверкают, свирепый рык заглушает лай собак, крики людей.

Качнулись горы. Небо заслонили силуэты людей. Облако снега взвилось вверх – опало на шевелящийся клубок тел. Рогатины вдавили в снег полосатую шею, бок, лапы. Клыки грызут мёрзлое дерево, матерчатые ленты опутывают лапы...

Собаки сосредоточеннолизывают раны. Разгорячённые мужики сидят на снегу вокруг связанного тигра. Разрумянившиеся щёки словно подсвечивают конуса самокруток – «козьих ножек». Подрагивающие заскорузлые пальцы методично подносят к губам газетное курево. Волосатые лица окутывают клубы дыма.

Последние кадры: дальний план, героическая четвёрка несёт на жердяных носилках отловленного молодого тигра...

...И никто не видит, как Тайфун, просунув сквозь опутавшие морду вязки язык, лижет и лижет мою руку, сотни раз дававшую ему, Тайфуну, мясо.

Пагуба

– Слыхали? Наконец-то в России запретили курение в общественных местах. Хорошее дело. Правильно это. Я-то сам с детства не курю и курение считаю бедой человечества. Отношусь к этому крайне отрицательно. Хотя, должен признаться, в детстве одно время увлекался серьёзно этим. После седьмого класса с двоюродным братцем курили по-чёрному. На летних каникулах каждый день бегали на пограничную заставу. Помогали пограничникам то картошку почистить, то лошадей покормить, то ещё что-нибудь. За это и автомат незаряженный разрешали подержать, а то и разобрать-собрать его. Что может быть для пацанов интересней?! Ну и курили с пограничниками как черти. По две пачки «Опала» в день скуривали. Каникулы пролетели, как поезд скорый. Завтра уже домой ехать, и что-то меня к зеркалу подвело. Поглядел я на себя и... испугался. Показался себе худющим и зелёным. От курева. Вот с этого момента и не курю.

Но есть у меня двое знакомых, которые клянутся, что курение им жизнь спасло.

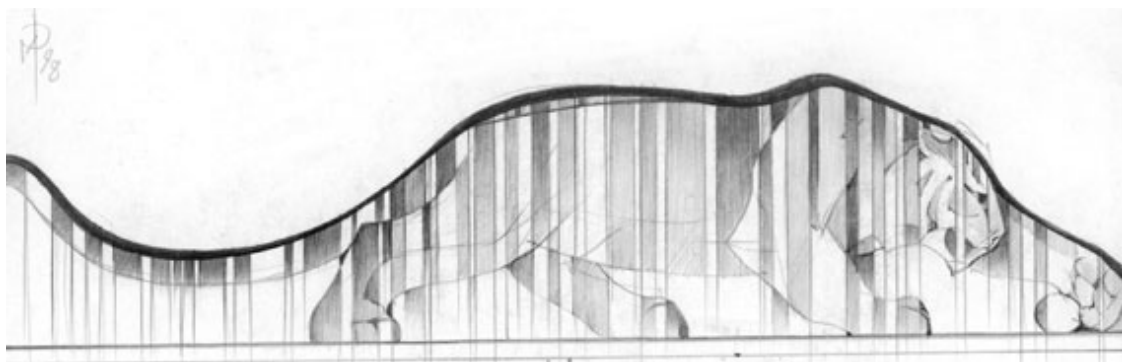
Один геолог. На Севере работал. Что-то там летом в тундре по берегам рек изучал-собирал. В одиночку почему-то. Вот он вечером в палатку-одноместку свою забрался, застегнул её наглухо. Выкурил пару папирос, чтоб комары близко не подлетали, спать не мешали. А тут – бурый медведь. Подошёл к палатке, ухватил через брезент клыками его за плечо, да и рванул, чтоб человека вытащить. Рванул – и бросил. Ушёл. Как знакомый сказал: «Потому что в ноздри ему из палатки табачным дымом шибануло». Уверяет, что именно это его от смерти и спасло. 70 километров он потом с разорванным плечом топал по тундре до ближайшего посёлка. Еле дошёл. Последние километры уже полз в беспамятстве.

Да. А второй знакомый – учёный. Тигров в Сихотэ-Алиньском заповеднике изучал. Ошейники на них надевал с радиопередатчиками. Перед этим, конечно, их в большую клетку ловил, усыплял из ружья летающим шприцем...

Клетка эта – как большая мышеловка, а вместо приманки – собака в конце, в специальной загородке. Тигр заходит в клетку за собакой, наступает на специальную дощечку, и за ним падает дверца. Не всякая собака такое выдерживает. И не всякий тигр на такое ловится. Один тигр такой огромный был, что весь в клетку не поместился, и дверца ему на крестец упала. Он и вырвался. Такого тигра уже никак не поймаешь. Да. И этот учёный тоже один в маленькой палатке-скрадке ночевал. Тоже накурил, что «на дыму топор повесить можно». Чтоб ни мошек, ни тигров близко не было. Но это же тигр! Пришёл ночью, усами по скрадку пошуршал, а товарищ ни жив ни мёртв лежит. Пятками разобранное ружьё щупает. Но кто ж пятками ружьё собрать сможет? Ткнулся тигр носом, но из-за дыма табачного не стал рвать скрадок. Да, рвать скрадок не стал, но весь его обмочил-пометил. Знакомый говорит, что струя была что с пожарного ствола-брандспойта, когда пожар тушат. Уникальный случай! Повезло знакомому. Правда, скрадок потом никакие современные стиральные порошки не могли отстирать. Уж очень стойкий запах у тигра, оказывается.

Так что как минимум двух хороших людей курение спасло от гибели. Хоть это радует. А то ж прямо эпидемия какая-то. С курения-то всё и начинается. Потом пиво, водка, наркотики. И всё это пагуба человеческая. Эх!..

Убей меня червонцем!

Брату Игорю посвящается

– Ну, убей меня червонцем! Ну, на пиво, понимаешь, не хватает... На опохмел... Ну, сорвался... Ну, ты же меня знаешь... Да из-за тигры это всё!

Передо мной, понутив огромную голову с кудрявой седой шевелюрой, стоит известный охотник, когда-то гремевший по всему краю как промысловик-передовик.

– На, Семёныч. А что тигра-то?

– Да, понимаешь, нервы не выдержали. Надо от тайги передышку, а то убью я её. Проходу не даёт. Собак всех передавила, капканы ходит спускает, соболей съедает, кабанов и изюбрей из долины гоняет на сопки. А у меня уже ноги не те, чтоб за ними туда лазать. Сам понимаешь – годы. И пугает меня постоянно. Ревёт неожиданно. А если кого подстрелю – сколько за раз мяса заберу, то и моё. Можно больше не ходить – с тигрятами в момент всё съедает. Вот какая тут охота?! Мужики издеваются: мол, влюбилась она в меня. А я молчу, что мстит она мне за то, что забрал я у неё кабана, да выстрелами напугал её и её тигрят...

Влюбилась... Как же, влюбится такая! Съела бы уже давно, если б карабина не боялась. Злющая – ужас! А всё потому, что королевна она. Ей-богу! Королевна – не меньше!

Да сам бы на неё глянул – сразу бы понял. Цвету она редкого. АЛАЯ! Не кирпичная, а – алая! Ей-бо!

Я как раз аленький цветок нашёл. Опустился перед ним на колени, люблюсь, тихо радуюсь. Это раньше, когда находил, то громко радовался – молился по-своему. Богине что-нибудь вкусенькое оставлял – тут же под листьями прятал. Чтобы в следующий раз не забыла, опять к цветочку вывела. Аленький цветок? Ну, женьшень то есть. Стою перед ним на коленях, уже как раньше мураши по спине не бегают – просто люблюсь. И тут она! Встала и орёт!

Вот ягоды женьшеня – алые. Чистый алый цвет. Сам знаешь. А вот она напротив – тоже алая! Сам бы не видел – не поверил бы.

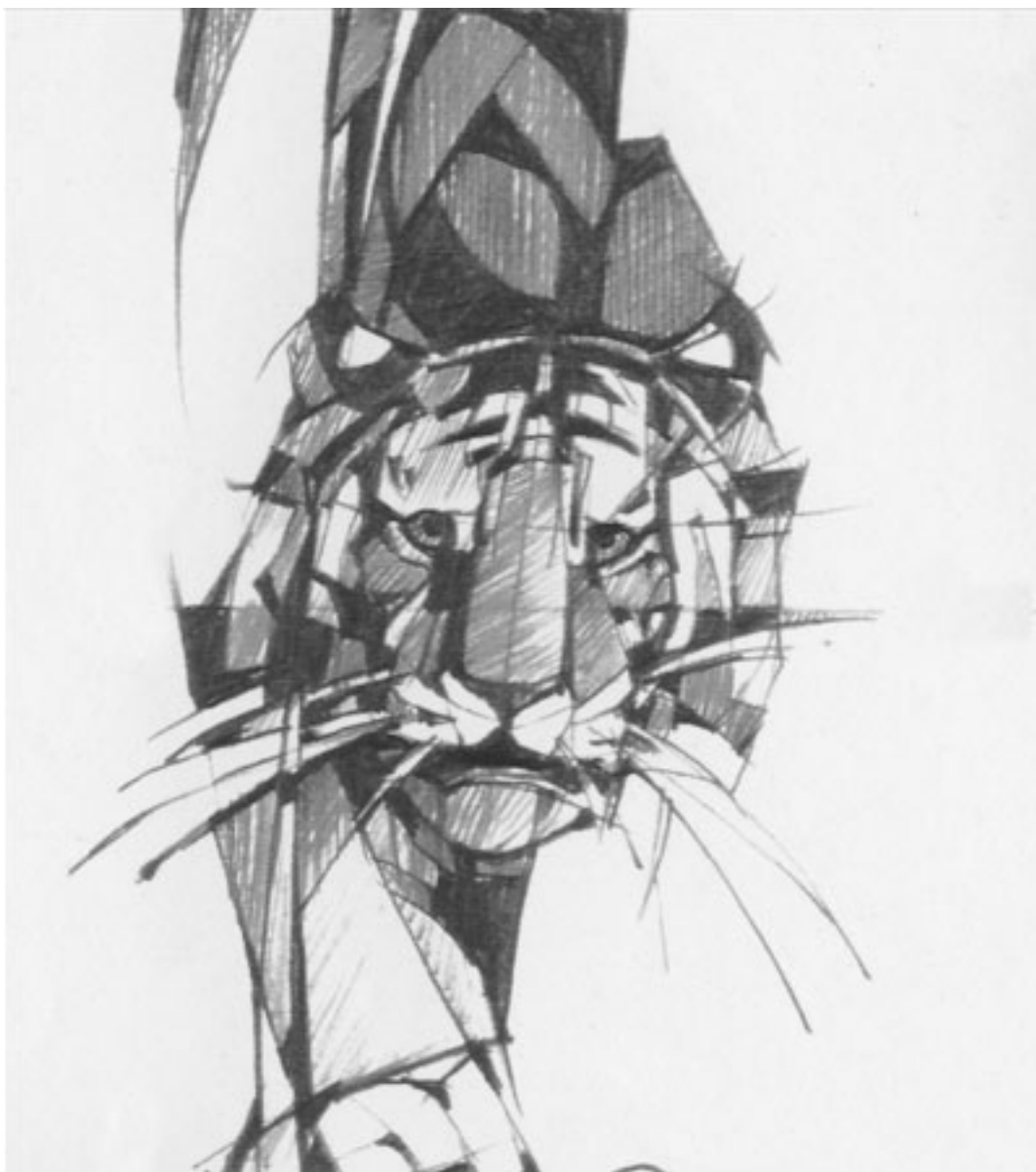
А то ж любит на тропу неожиданно впереди вымахнуть и покрасоваться. И выбирает момент, когда что-нибудь тяжёлое несущу: или мясо, или капканы, или элеутерококк. Я тогда карабин впереди поперёк на груди несущу и не могу его быстро через голову снять. Всё знает! Изучила меня как облупленного. И где люблю посидеть, и где люблю умыться да водицы из родничка глотнуть, и где останавливаюсь, чтоб на ету... ну, как её?.. а! – на панораму – на тайгу посмотреть. И где берёзки обнимаю. Да, – обнимаю!

До этой королевы считал тайгу женою своею. Дак, сызмальства её люблю – знаю. Вот и считал. С деревьями разговаривал, с сопками. Ну, да, – как Дерсу Узала. Дак, поживи в тайге с моё, и ты будешь не то что с деревьями – с травинкой каждой за милу душу разговор держать. Каждое дерево будешь, как я, с закрытыми глазами определять. А что? – и помогает, особенно, когда в потёмках идёшь. Потрогаешь кору – ага, орех или бархат попался, знать, до зимовья самое большее километр топать.

А сейчас – нет. Не жена уже – невеста. Опять невестой мне тайга. Потому... Потому что не пользуюсь. Тигрица не даёт. Любуюсь. Что будущая тёща блюдёт дочку, так и тигрица тайгу. Говорю же – берёзки обнимаю. По молодости некогда было обниматься – обнимаюсь теперь. А сам попробуй – понравится! Да ещё щекой прижмись. Какая у неё кожа! Родина!

Так и тигрята у моей королевы особые. Оранжевые! Не соломенного цвета, не медного, не золотого – оранжевого. Точно говорю – как апельсины на снегу. Ну, я-то цвета различаю. Когда-то чуть художником не стал. Было дело, было...

Ну, убил меня червонцем: сотенную отвалил! Благодарствую. Когда верну – не знаю. Говорю: передышку надо. Пойду срубы рубить да, может, наличники резные повыпиливаю. В тайге ведь тоже настроение особое нужно – сам понимаешь. Чтоб не только любоваться, но и пользоваться. А как тут попользуешься, когда сама царица... Ну, убил меня червонцем!.. Ну, убил!..

Рука

– На тигра я не обижаюсь. Нисколько. Хоть вот рука и не действует. Так уж случилось. Мог ведь и убить, шутя, – сильно я его разозлил.

Ситуация, говорят, классическая. Шёл по гребню сопки, остановился. Передо мной крутой неглубокий распадок. На противоположном склоне показались изюбри. Посмотрел в оптический прицел: заросли, но стрелять можно. Лёг поудобнее, выбрал рогача покрупнее. Ну и выпалил всю обойму.

Нет чтобы зарядить сразу. А я на трофей в оптику засмотрелся...

Опомнился, когда тигр уже рядом был. Вскочил, а он ударил меня лапой в плечо и руку из сустава выбил. Я упал лицом вниз, а выбитая рука так за спину и завернулась. Тигр куснул её в локтевом суставе и убежал. А ведь мог и за шею куснуть...

...Как потом оказалось, тигр ел давленину на дне распадка, прямо ниже меня. Полдничал. Представляю, какой гром гремел у него над головой, когда я стрелял по изюбрю! Вот он и разъярился, и атаковал.

А то, что говорили, будто это тот тигр, который за три дня перед этим рыбака покусал да поцарапал, – неправда: тот тигр другой. Мой здоровый был, а тот небольшой. Да и пострадал рыбак по своей глупости. Шёл по ручью и личинок на рыбалку собирал. Ветер сильный был. И тут как будто громыхает неподалёку что-то. Ну, громыхает и громыхает: как шёл, так и шёл – прямо на тигра, который только что оленя задавил и рычал-громыхал, предупреждая идущего человека. Атаковал, когда человек уже слишком близко подошёл к добыче его. Кто виноват? Вот так-то.

Был тигр хозяином тайги – им и останется. А человек – гость. Только каждый раз забывает про это. Но на тигра я не обижаюсь, нет. Хотя вот руку мне покалечил. А ведь мог и вовсе убить.

Без чёрной дюжины полосок

Дарю вам каскадёрский трюк. Все эти огненные страсти в боевиках и триллерах с разбиванием автомобилей – это ерунда. Наигранное, ненастоящее. В жизни такого не бывает, и зритель это чувствует, как бы ни старались трюкачи.

А вот со мною случай был – это да.

Никакие режиссёры до такого не додумаются. Потому как – случай, а случай, говорят, – муж судьбы. А судьба – это два слова: суд и бог. Судит бог, значит.

Ехал как-то раз на мотоцикле по лесной дороге. На охоту. Вдруг через дорогу пере скакивает кабан, за ним второй, третий. Целый табун. Я, как только увидел первого кабана, автоматически, сразу затормозил, повалил мотоцикл на бок, смахнул со спины карабин и – уже лежу наготове. Как в тире. Знаю: ещё кабаны выбегут – всегда отстающие бывают. И тут, вместо кабана, выскакивает тигр, перепрыгивает через меня с мотоциклом, и... был таков.

Долго я лежал на дороге, как в тире, приготовившись к стрельбе. Перед глазами вновь и вновь прокручивалось увиденное. Как при замедленной съёмке: небо закрывает туча не туча, а тигриный силуэт. Силуэт вырастает до огромных размеров, заслоняет солнце, на нём до мельчайших подробностей вырисовываются на белом брюхе поперечные узкие чёрные полоски – одна, две, три... тринадцать. Вытянутые вперёд лапы продавливают синеву, подрагивают от сопротивления воздуха блестящие усы, змейёй извивается полосатый хвост... А от моего подбородка уходит вдаль лесная дорога куда-то выше и выше...

И вовсе не дорога это, а сначала неясные, но потом всё более громкие и громкие слова, соединяющиеся в предложения, в звонкие до небесной сини строки:

Ответь мне, птица: для чего имеешь крылья?
Для высоты иль просто пропитанья?
А может, как и я, ты ищешь счастье?
Поэтому ты каждый день в полёте
и всё стремишься заглянуть за солнце,
надеясь увидеть, хоть ненадолго,
какое же оно такое счастье?..

И я, как ты, хотя и не летаю,
но всё равно стремлюсь достигнуть солнца
и посмотреть за ним —
а больше нигде скрываться счастьем в этом мире света.
Ведь я везде искал —
и на планете нет счастья моего,
и это правда – сегодняшняя правда.

Но надеюсь,
что завтра
я увижу своё счастье,
летающее птицей надо мною
без чёрной дюжины полосок...

Богатырь

– Кулаки у Игорька – что надо. Ладно, ломы гнул, лопаты ломал: есть силёнка. Но чтобы кулаком тигра победить?! Такого ещё не бывало.

Ты видел тигриный череп? Видел. Похож на броневик? Похож. А чем броневик возьмёшь? Правильно: авиабомбой или миной противотанковой. То есть нокаут или снизу, или сверху. Игорёк сверху вдарил. Молчит об этом. Да он всегда молчит. И что орден Красной Звезды в Афгане получил, и что снайпером был, и что соболей, бывает, больше всех ловит. Богатырь!

Посмотри как-нибудь летом на его шрамы. На левой руке. Весь локоть разодран. Тигр это. Добычу охранял. Думал, Игорёк на его кабана претендует. А Игорь-то сам чушку подстрелил. Большую. Очень большую. Свежевал часа два. Слышал невдалеке шум, визг, треск. Да, думал – гон у кабанов. Декабрь же.

Освежевал. Потроха шкурой накрыл – замёрзнут, соболя долго будут грызть под шкурой, а вороны не достанут. В котомку ноги свиньи запихал – больше не возьмёшь: и так килограммов под пятьдесят. И двинул к зимовью. А тут – тигр! Кинулся с рыком. Не предупредал. Метров с пятидесяти понёсся прямо на охотника.

А Игорь-то что? Подумал – отпугивает. Что подбежит метров на десять – и в сторону. Как обычно бывает. Но этот что-то расвирепел чересчур. Прямо на Игоря бросился. Тот

успел левый локоть вперёд выставить: карабин сразу и не думал снимать. Думал же – отпугивает.

Тигр здоровый был. Самец. За локоть хватил клычищами. А Игорёк ка-а-ак САДАНЁТ кулаком тигра между глаз! Говорит, разжал клыки тигр и лёг на месте.

Пошёл Игорь к зимовью. Правой рукой раны зажал – аккуратно, говорит, пальцы в дыры вошли, заткнул плотно. Говорит, боли не чувствовал. Поэтому и мясо донёс, и крови не потерял. В зимовье аптечка была. Залил йодом, перебинтовал, и всё. Богатырь же!

Всю ночь не спал – переживал, что тигр чушку найдёт и сожрёт. Утром... пошёл за остальным мясом. Рука болит, но двигается, пальцы шевелятся. Был уже наготове. Решил: если тигр опять бросится, то будет стрелять. Пришёл – вокруг всё тигром истоптано, но чушка не тронута. Неподалёку как-то странно ворона взлетела. Пошёл посмотреть! Богатырь.

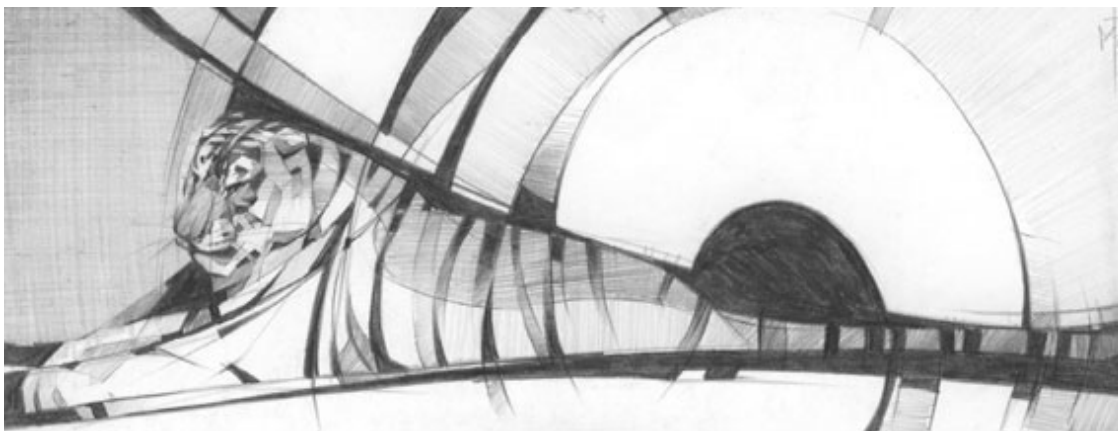
Оказывается, рядом был кабан полусъеденный. И следы тигра ещё горячие – только что был и ворону спугнул. Услышал, что Игорь идёт и... ОТОШЁЛ.

Нагрузил Игорь половину оставшегося мяса и понёс в зимовье. Принёс, попил чайку и – в обратную за мясом. Опять, говорит, тигр вокруг мяса топтался, но не посмел тронуть.

Силу даже тигр уважает. С медведем или секачом только в крайнем случае бьётся.

Неподалёку тигр был, ушёл, только когда Игорь близко подошёл. Говорит, видел, как за кедрушкой бок тигриный мелькнул. Забрал всё мясо и пошёл. Чувствовал, что тигр его до зимовья проводил, всю ночь вокруг зимовья ходил, но под утро ушёл и больше Игорю на глаза не показывался и собак его не трогал.

Запомнил накрепко кулак богатырский.

Чувства сорвавшейся рыбы

Рывок!

Спиннинг чудом остался в разом онемевших руках.

С этого мгновения светлеющая тишина утренней реки, спокойствие ясного неба превратились в яростную и кипучую борьбу не на смерть, а на жизнь.

Таймень, огромный и, на удивление, буйный, боролся изо всех сил.

Он вскидывался над водой, тряс головой и падал плашмя, стараясь освободиться от вцепившейся блесны. Блесна лязгала, бряцала, но держалась крепко. Леска звенела, гудела, шипела, разрезая взволнованную воду. Спиннинг трещал и скрипел. Бесчувственные пальцы то крутили изо всех сил рукоять катушки, едва успевая наматывать леску, когда таймень бросался к берегу; то, дрожа, придерживали и притормаживали бешено крутящуюся шпулю, когда гигант бросался в глубину. Сердце громко колотилось в ставшей тесной груди...

Наконец, рывки стали ослабевать. Неужели поймаю? Нет, ещё рано: «Не кажи гоп». Сначала вывести на отмель. До неё далековато, но по-другому никак. Понемногу подтаскиваю тайменя на отмель – рыба почему-то меньше сопротивляется, когда её тянут против течения. И тут таймень стал вращаться вокруг своей оси! Прозевав этот момент, я безнадежно смотрю, как он наматывает на себя леску, потом сильно изгибается, и... блесна выпадает из его пасти!

Машинально смотав лесу, мельком глянув на сломанный якорёк, стою и глотаю тягучие куски горького разочарования.

Вот это рыбина! – восхищаюсь гигантом благородной медной окраски, застывшим от меня в двух метрах. Едва шевеля плавниками, таймень беззвучно хлопал победными литаврами – жаберными крышками, и, судя по всему, никак не мог «отдышаться».

Хоть погладить такого! Потихоньку перебирая ногами по скользким валунам, подхожу к нему ближе. Таймень стоит! Ближе. Протягиваю руку и дотрагиваюсь до его спины! Рыбина чуть шевельнулась. Стоит! Ох и идиот! – не сообразил вонзить ему в пасть два целых крюка якоря! Тянусь достать блесной до его пасти, совсем чуть-чуть не хватает до него дотянуться, но вода уже доходит до подмышек!..

Вспышка. Почему-то резко высветилось в памяти, как тигриная лапа просунулась меж брёвен, стальной коготь зацепил меня за нагрудный карман кожаной куртки и потащил из, казалось бы, надёжного бункера, сооружённого из брёвен плавника на берегу укромной бухты...

...Освободившийся таймень, вконец измотанный, хватая воду светлой пастью, насыщая тело кислородом. Позволяет погладить себя по спине и ещё долго стоит, не шевелясь, словно зная тщетность моих усилий дотянуться до его пасти и зацепить ещё раз якорем.

А сфотографировать дикого тигра в природе несложно: находишь место, где он часто появляется, выкладываешь приманку, делаешь или засидку на дереве, или крепкое убежище в яме и, набравшись терпения, ждёшь.

Так и я, сорвавшись с тигриного когтя, совершенно не мог пошевелиться и, судорожно хватая воздух, отрешённо глядел, как лапа снова и снова шарила прямо перед глазами четырьмя смертельными остриями. Медленно, глубоко и явно я переживал чувства сорвавшейся рыбы.

Плен

– Ох и влип я однажды в историю! В плен попал... к тигру. В плену у тигра был. М-да-а. Красиво звучит! Вот и голова такая красивая стала. Белая. Седой как лунь. Ведь сорока еще нет! Врагу не пожелаешь. А ты спрашиваешь: «Почему седой?»

– М-да-а. Вот потому и седой. Думал, что только во времена великого путешественника Пржевальского тигры среди бела дня собак таскали, лошадей-коров давили, да людей не боялись. Ан – нет. Тигр есть тигр и тигром останется. Всегда так было и будет. Точно!

– Да не-е. Не на дерево загнал. Не-е. Это слишком просто. Тут извращение в высшей степени и-зы-скан-ней-ше-е. Можно так сказать? Во-от. И-зы-скан-ней-ше-е из-вра-ще-ни-е. Поиздевался-а-а!

– Да как? А вот так! Послушай, может, пригодится...

* * *

Приехал как-то я к своему охотничьему зимовью. Часа в четыре – ещё солнце светило. На ЗИЛ-157. Знаешь такую машину? Во-от. «Колуном» его называют за простоту, надежность, проходимость и неповоротливость. Выгрузил продукты, капканы. На неделю же приехал. Растопил печь, завел мотопилу, напил дров. Альта – собачка моя – лаечка восточносибирская, соболятница-кабанятница, убежала от шума да дыма проверить свои владения. Да... Напил-накол дров на неделю, приготовил ужин. Нарезал хлеба, заварил чаю, налил в миску супа, разделся, сел за стол, взял ложку и... тут-то всё и началось.

В дверь ударило что-то мягкое, зацарапало, заскулило.
– Альта, ты чего?

Только приоткрыл двери, та – как мышь – шмыг и под нары забила. Поня-ятно: тигр в гости пожаловал. Это ж никакой охоты не станет – так и будет то сзади, то спереди, то сбоку над душой ходить, пока собаку не выцапает.

Взял карабин, вышел на крыльцо да разрядил всю обойму в кусты вокруг. «Ну вот, – говорю, – Альга, иди в свою конуру – ушло твое пугало». Выгнал собаку, налил ей супца в мисочку. Зарядил и поставил карабин возле двери. Только сел за стол и в руку ложку взял – опять в дверь – стук, скулеж, царапанье.

Вот, гад! В зимовье её запустить? – Не годится в тепле промысловой собаке томиться. Да и будет всю ночь тигр об углы тереться, да снегом скрипеть. Стрельбы не боится. Так уже было у моего друга. Не выспишься.

А посажу-ка я её в кабину! Взял собаку на руки – брыкается, рвётся: никогда на руках не бывала. И понёс к машине. Машина в 20 метрах от зимовья.

Ты понимаешь, какой тигр наглый?! Только дверцу машины открыл, а он – вот он – идет напрямик из-за зимовья. Здоровенный! Ещё не стемнело, силуэт хорошо видно.

Куда деваться? – Я в машину! Хлопнул дверцей, сию и матерюсь. На себя, на собаку, на тигра. Матерюсь, а он... идё-о-от! Подошёл к машине, обошёл вокруг – и под кабину заглядывает – щель ищет, паскуда! Собака ни жива ни мертва и, вроде, не дышит. К ногам прижалась, только вздрагивает иногда при шорохе. А он, подлюка, прыг – на капот, когтями скребёт – капот-то скользкий. Мордой в стекло потыкался: хорошо, что стёкла покрыты изморозью, ничего ему сквозь них не видно – и на крышу кабины полез. Как крыша жестяная хрустнула и прогнулась, так мне совсем нехорошо стало. Всё, конец, думаю.

Щас стекло вывалится и крючки когтей подцепят меня намертво. Не сорвёшься. Это же надо так влипнуть?! Карабин в зимовье, аккумуляторы – оба – с машины снял, да под нары поставил, чтоб за неделю на морозе не разрядились. Ты понимаешь?! Над головой громыахает-гнется жестянка кабины. Да-а-а...

Стал в себя приходить, когда замерз. Тигр давно уже с кабины спрыгнул да улегся меж машиной и зимовьем, а я всё в оцепенении: под впечатлением, как крыша, прогнувшись, головы коснулась. Словно тигриная лапа вдавила меня по самую макушку в землю-матушку. Со всех сторон давит: не вдохнуть, не шевельнуться. А земля холодная, холод просачивается сквозь кожу, стынют мышцы, тянет сухожилия, крутит кости, сердце холодеет, замирает... Б-р-р-р!

Может, и замерз бы, если б собака не шевельнулась. Очнулся, чувствую, что рук и ног не ощущаю. Стал шевелиться, дергаться, растираться. Отскрёб лёд на стекле, глянул – стоит, стервец, перед машиной, слушает внимательно мой скрежет, как лучшую музыку. Луна полная, снег. Книгу можно читать, а тигра почти не видно: только тень его, да над тенью что-то призрачное, полупрозрачное чуть светится, словно оболочка души дьявольской. Вот он какой, лунный зверь!

Я ногами топаю, на сиденье прыгаю, ору-ругаюсь, а тот стоит, наслаждается. Сел потом тигр, завалился на бок, посучил лапами, перевернулся на спину, ёрзает на снегу. Весело ему, завывает, урчит, только смеха демонского не хватает.

Собаку к себе прижал, руки грею – нормально рукам, а ногами топаю – ноги мерзнут. Выскочил-то без портянок – носки только на ногах, под курткой только одна рубаха, хорошо, что шапку надел. Повезло мне, что мороза сильного не было.

На крики тигр внимания не обращает. Нашел спички в бардачке, стал зажигать, швырять из приоткрытой дверцы – стекло опускать боялся: вдруг поймёт тигр, что это не одно целое с дверцей, да и лапой попробует на прочность. Но тигр только голову опускает к упавшим спичкам, да следит, как они потухают в снегу. Надергал из сиденья ветоши какой-то, обмотал гайки, поджигая да швыряю в зверя. Но тот отошел подальше, улегся, вроде как заснул даже.

Я и волком выл, и орал, и железяками стучал, и дверцей хлопал: не уходит!

Стал песни петь, себя подбадривать: «Врагу не сдастся наш гордый „Варяг”!» А ночь всё тянется. Что ты тут сделаешь? Остается одно: ждать до утра. Жду, ногами стучу – мёрзнут! Что делать? В кабине костёр не разведешь: машину спалишь. Да и из чего костёр? Из сиденья, что ли?

Приспособился боком приседать меж сиденьем и панелью. То на одной ноге, то на другой. Теплее. А пальцы на ногах всё равно мёрзнут. Нащупал под сиденьем железяку-монтажку, пропорол дерматин, разодрал сиденье, нащипал ваты, разулся, растёр пальцы, обвернул ватой, натянул носки, обмотал куском тряпки, сверху полиэтиленом – в сапоги уже не засунешь. Сначала одну ногу, потом другую. Ноги спасены! Засунул их в голенища – всё теплее. А ночь-то вся ещё впереди – луна только до половины добралась. Тигр всё стережет, не уходит. Как его прогнать?.. М-да...

Что-то изменилось...

С трудом выпрямляю затёкшее тело. Ноги? Да не-е – живы ноги. Луна перебралась на другую сторону, светит через стекло правой дверцы. Светит другим светом. В кабине изнутри выросла белая шерсть – иней. Иней белеет. Не желтеет от света луны, а белеет. Рассвет? Точно!

Процарапал на стекле глазок, глянул. С другой стороны. Тигра нет! Открыл дверцу, осторожно выглянул. Нету!

В утреннем свете пестрит снег, истоптанный тигром. Ушёл? Внимательно всё вокруг оглядываю. Ушёл! Распахиваю дверцу, встаю на подножку, готовый спрыгнуть и бежать в зимовье, но... громыхнувший рык толкает обратно в кабину.

Подперев дверь зимовья спиной, на крылечке развалился полосатый!

Чтоб тебе ни дна ни покрышки!

Золотые угли глаз на расстоянии обжигают. Вот же нашел себе развлечение, подлюга! Не хочет лежать на снегу, увалился на сухое крылечко!

Солнечный луч уже дотронулся до уголка обросшего ледяной шерстью ветрового стекла. Вот, ощупывая хрупкие волоски, словно пересчитывая их, сравнивая друг с другом, медленно переползает справа налево. Наверное, уже полдень. Альта все так же подрагивает от каждого звука, обеспокоенно заглядывает в мои глаза.

Что, подруга? Дернула тебя нелегкая пересечь тигриный путь! Долго ещё этот аспид будет держать нас в заложниках? Вон как разлегся на крылечке: словно хан. Настроен заполучить тебя во что бы то ни стало.

Вот уж, дудки!

Всю жизнь не везло с собаками: то украли, то секач распорол, то под машину попала, то отравилась. И только соболятница-умница выросла – на тебе: непременно возжелал её царь таёжный. Нет уж, дудки! Мы ещё посмотрим, кто кого.

Сколько может тигр ждать? Говорят, неделю. Два дня, считая вчерашний вечер, уже прошло. Остается пять? Солнце клонится всё ниже, словно всматриваясь в седловину сопки, где оно собирается уютно устроиться на ночь, и желтым светом льёт и льёт напоследок на голубой холод шершавого снега.

Тигр, словно сфинкс, ровно положив перед собою лапы, выпятив грудь и гордо подняв голову, шуруется на солнце. Глаза его слезятся от света, он часто моргает, но смотрит и смотрит на солнце – словно измученный жаждой, приник к прохладной живой струе и упивается с великим наслаждением. Вот он какой, солнечный зверь! Вот почему его шкура имеет все оттенки солнечного диска!

Солнце скрылось, лучи торопливо побежали по склону сопки наверх и, задержавшись на вершине, бесследно пропали, словно спрыгнули в темнеющую бездну. Солнца давно уже нет, а глаза тигра все светят, словно два оконца, за которыми сгусток света, укрытый от мира

и облаченный в толстую шкуру. Так же и у людей: у кого душа светлая, у того и глаза сияют. Ну и сравнение! Душа этого «издевателя» и душа хорошего человека? Но всё равно: красивый зверь. Очень красивый!

Вторая ночь на исходе. Под утро тигр обошёл вокруг машины, подлез под кабину, фыркнул недовольно. Наверное, неосторожно вдохнул едкий запах автомобиля. Потоптался рядом и, крадучись, пошёл по колее. Кого-то почуял? Бегом в зимовье!! Выждав минуту, тихо открываю дверцу и... быстро заскакиваю обратно: длинная тень мелькает на тропинке, ведущей к ручью. Вот гадство! Не успел!

Сколько времени мне надо, чтобы пробежать 20 метров? Надо посчитать. Лучшие спортсмены пробегают 100 метров за 10 секунд. Я не очень быстро бегаю, беговой дорожки здесь нет – снег плюс «обувь» да одежда. Получается, что не быстрее, чем 100 метров за 20 секунд. Это скорость. Дистанция 20 метров в пять раз меньше. 20 секунд разделить на 5, получается, что мне надо никак не меньше 4 секунд, чтобы добежать от машины до зимовья. Всего 4 секунды!

Так, теперь подумаем, как бегают тигр. Много раз видел по следам, когда тигр атакует, первые его прыжки никак не меньше 7 метров. То есть 20 метров для него это всего три прыжка. Три прыжка для тигра это не больше 1 секунды. Получается, что можно было успеть добежать, если бы тигр отошел метров на 80. Это во-о-он до того кедра... Если по дороге. Или вон до того бугра – если по тропе. И всё. С других сторон заросли почти вплотную подступают к зимовью. Непроглядные заросли. Жаль! Был же шанс! Почему был не готов, когда тигр отошёл по колее? Ведь на 100 метров отходил! Даже мысли не возникло, что успею добежать! Как под гипнозом!

Ну, всё! Теперь надо быть готовым. Как только тигр отойдёт на безопасное расстояние – старт!

Зимний рассвет с усилием поворачивает к себе Землю. Земля нехотя поддается, словно накрепко приклеилась к звёздам, и те, отрываясь по одной, сразу же гаснут. Тигр лежит на крыльчке. Опустил тяжёлую голову на лапы, глаза закрыл, но уши стоят торчком, нацелены на машину, ловят каждый звук. Голод даёт о себе знать: тянущий желудок притягивает только одни мысли – о еде. В избушке накрыт стол... Неужели тигр не проголодался? Или пришёл закусить собачатиной, наевшись на неделю вперёд? Что-то не верится. Что же придумать, чтоб он ушёл? Как прогнать? Чем отвлечь?

Кинуть в него... монтировкой! Монтировка попадает ему прямо в лоб, тигр ревет от страха и боли, пугается и... убегает! А если разозлится, прыгнет на машину, ударит лапой по хрупкому стеклу? Скорее всего, так и произойдёт. Что же придумать?..

Собака покорно терпит. Словно так и должно быть: греть хозяина, не шевелиться и терпеть, бесконечно терпеть.

Мороз крепчает. Всё чаще приходится греться, приседая боком в тесной кабине или отжимаясь на руках, лёжа на сиденье. Кабина изнутри покрылась толстым слоем инея. Время от времени очищаю ото льда глазок на стекле и поглядываю на тигра – тот с удовольствием прислушивается к моей возне и всё лежит, лишь изредка меняя позы. А что ему: небось запасся жиром на зиму, откормившись на кабанах, которых в этом году много.

Всё чаще наступает апатия. Холод сковывает тело, и нет желания шевелиться – вот так и замерзают. Всё труднее себя заставлять приседать и отжиматься. Всё слабее становятся руки и ноги...

Третий рассвет. Невыносимый утренний холод громко треснул стволом дерева и с шорохом стал рассыпаться от прикосновения жёлтого света. Словно опомнившись, солнце распустило все свои лучи и сыпет по ним, как по лоткам, корпускулами призрачного тепла. День расплывается, мякнет. Оттепель. Иней на стекле потемнел, потяжелел, медленно пополз вниз.

Через чистое стекло смотрю, как синееет снег на склоне сопки, процарапанный белизной берёз. Среди белого и синего, словно старые трещины, – чёрные стволы кряжистых дубов, позолоченные неулетевшими листьями. Красиво. Нет ничего особенного: синий снег, белые берёзы, чёрные дубы, жёлтые листья, зелёные кедры. Но очень красиво.

Тигр, лёжа на боку, по очереди вытягивает лапы. Лапы, подрагивая, тянутся достать что-то недостижимое, словно вслепую шарят, ощупывая границу снега и воздуха, неожиданно распускаясь когтистым цветком. Четыре цветка смерти. Так вот они какие – цветы смерти!

Вволю повытягивавшись, тигр садится, скучая, оглядывает и долго смотрит на сопку. Созерцает. Неужели и ему нравится пейзаж?

Вдруг он насторожился. Смотрит прямо на склон сопки. Подавшись вперёд, слушает и слушает зимнюю картину. Морда словно прикинула к источнику звука. А звук не слабеет. Он все сильнее льёт. Его струя всё шире, и тигр к ней прикикает всё глубже.

Что там может быть? Тигр резко привстал, напрягся. Медленно сел опять. Хвост забеспокоился, засуетился вокруг полосатой спины. Неожиданно передние лапы подломились, тигр пригнулся и сжался. Увидел!

Что же он увидел? Вглядываюсь в склон и замечаю среди зарослей темный промельк. Потом ещё один. Потом ещё. Разного размера. Кабаны!

Неторопливо, останавливаясь и прислушиваясь, впереди табуна идет крупная свинья. За ней подвинки, поросята. Все настороженные, внимательные. Кто-то их спугнул с уютного солнцепека, где в мелком дубняке и орешнике они лежат весь день. Но почему они не бегут? Обычно кабаны быстро перебегают на другую сопку, в другие заросли. Неужели пересекли тигриные следы трехдневной давности и так сразу насторожились?

Неужели тигр не пойдет за ними?!

Никакой реакции! Смотрит на кабанов и даже с места не сдвинулся! Один за другим кабаны уходят...

Надежда на спасение, так ярко вспыхнувшая, потухла. Слезы отчаяния затуманили взгляд. Комок обиды застрял в гортани и никак не проглатывается.

Тигр всё сидит. Уши скучающе вертятся в разные стороны. Зевнув, изогнул шею и стал лизать несмыаемые полосы на груди, словно выглаживая, вылепливая, ваяя душу, владычащую над Тайгой, над Землей, над Временем...

* * *

– М-да... Поросёнок меня спас. Больной, хромым поросёнок. Отстал от табуна и прыгал на трёх ногах, изо всех сил пытаюсь догнать сородичей... Попрыгает и встанет, отдыхает, попрыгает и встанет... Вот тут-то тигр и не выдержал. Пошёл к нему наперерез. Даже ни разу не оглянулся, словно и не было трехсуточной осады.

А я выждал время и – бегом в зимовье. Но бежать не смог! Ноги свело от долгого сидения. Так на полусогнутых и доплелся. 20 метров за 20 секунд.

А ты спрашиваешь: «Почему седой?» Вот он какой – тигр.

Глаза

– А скажи-ка ты мне, уважаемый: почему меня тигр не трогает? Каждый год с ним встречаюсь. Бывает, метров с пяти друг другу в глаза смотрим, а не трогает. Что это? Мистика? Да мне уже скоро семьдесят. Всю жизнь в тайге. Всю жизнь в Охоте. А в тайге, сам знаешь: чего только не происходит. Всего насмотрелся. В Бога не верю. Верю в Природу, в Тайгу – всё от Неё, всё по Её законам. А тигр у нас – высший судья. Некоторых наказывает. Некоторым на глаза показывается. А некоторые всю жизнь его увидеть мечтают, но не могут. Меня же тигр от себя далеко не отпускает, всё о себе напоминает. Уже лет тридцать. Каждый год. То тигрята, то Матка, то сам Хозяин. Говорю же – года не было, чтобы не встретился хотя бы с одним.

– Не трогает, потому что глаза у тебя добрые и спокойные. Видит тигр по твоим глазам, что не хищник ты и не добыча, – потому и не трогает. Если б взгляд у тебя был трусливый или наглый – был бы ты наказан. Ей-богу.

Ворюга

С. Я. Леонову посвящается

– Как клюёт? Да никак! Не езжу на рыбалку. Уже давно.
Почему? Да не хочу!
Не веришь? Тебя бы так напугали – и ты бы перестал.
Нет, не рыбоохрана. Чего её бояться? Уже пуганный-перепуганный.
Кто, кто? – тигр!
Вот представь себе: тигр!

Да, в тех местах, где люди часто толкуются, тигр, конечно, редко появляется. Так и рыба там не такая: или пуганая, или мало, или маленькая. И вообще, не люблю, где народ, где все. А где народа нет, там и зверь, и рыба, и тигр часто ходит. Вот и пуганул.

Нет, не ревел. В том-то и дело, что всё тихо и спокойно, «на глазах», так сказать, «у публики».

Ну, ладно, расскажу.

В общем, поехал со своими за кетой. На свои места. Всё там в лучшем виде: и место удобное, и рыбы всегда полно. Одно плохо: до машины больше тридцати метров рыбу носить. С другой стороны, это и безопасней, если рыбоинспекция нагрывает. Вот поставили сеть, посидели, «чай» попили. А тут и рыбы набилось.

Стали снимать «урожай», в мешки складывать. И попался один самец-зубак килограммов на пятнадцать! В жизни такого не видел!! Ну, посмотрели, пофотографировались все с ним – в мешок и в машину. Потом ещё несколько мешков поймали и перенесли в машину. Потом ещё... И тут такая картина: стоит раскрытая машина, я несу к ней новый мешок рыбы, осталось дойти метров десять всего, и тут выходит прямо к машине... тигр! Здоровенный! Обошёл машину вокруг, на меня только зыркнул пару раз, ну а я обмер, стою, не шевелясь. А он голову в открытую дверцу всунул, схватил мешок с кетой и – понёс в кусты!

Испугался я тогда сильно – ничего ведь, гадость, не боится!

И главное, выбрал мешок с той самой, *рекордной*, рыбиной!!

Я читал, что тигры при случае не брезгуют рыбой, но специально, как медведи, они рыбу почти не ловят. Но чтобы здоровенный тигр воровал рыбу на глазах у людей из автомобиля?! Вот ворюга! И всю охоту к рыбалке отбил!

Ворюга!

Молитва

Бог свидетель: не хотелось мне ехать. Хоть и пришла долгожданная весть, что обнаружены следы дальневосточного леопарда в заповедном районе, где когда-то он обитал. И вдруг сплошные сомнения. Но куда деваться – поехал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.